

*Росинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ:

Я только тогда и счастлива, когда погружена в мои созерцания

*Литературное расследование в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК
к 10 ноября - Всемирному дню науки*

3 ноября 2013 года, в преддверии Дня науки, в *Литературном клубе «Прикосновение»* библиотеки «Фолиант» состоялось *литературное расследование* жизни и деятельности **Софьи Ковалевской**. На нем присутствовали 24 человека.

Софья Ковалевская (15.01.1850- 29.01.1891) поражала современников своими открытиями. Но ей всегда хотелось большего! Если достижений в науке, в литературе, то невероятных! Если свободы, то какой-то особенной, запредельной, небывалой. И любви - страстной и всеобъемлющей - такой, чтобы полностью отдаться чувству. Ей всегда хотелось, чтобы избранник тоже принадлежал ей абсолютно.

У нее получилось почти все. Она обрела личную свободу и независимость, недоступные большинству женщин ее поколения. Она была признана современниками, как выдающийся ученый и получила титул «принцессы математики». Ее литературные труды встречали с интересом...

Когда Софья Ковалевская умерла, будучи еще совсем молодой, ее ближайшая подруга **Анна Эдгрен**, написала в некрологе такую фразу: *«Жизнь Ковалевской длиннее жизни большинства людей. Она жила ускоренной жизнью, пила полную чашей из источника счастья и из источника горя»*. В чем проявлялось это ускорение жизни?

Давайте и мы с вами вместе с читателями библиотеки «Фолиант» и активистами ее Литературного клуба «Прикосновение» чуть больше прикоснемся к биографии известной женщины-ученого, посмотрим отрывки из документального фильма «Софья Ковалевская» из цикла «Цивилизация. Гении и злодеи», проведем свое небольшое литературное расследование и попробуем ответить на некоторые вопросы.

Например, как Софье, в детстве боявшейся, кажется, всего на свете - темноты, недостроенных домов, сломанных кукол, все же удалось обрести достаточно смелости, чтобы превратить мечту в цель жизни?

Почему великий немецкий математик, профессор Берлинского университета, **Карл Вейерштрасс** поначалу отказывался учить русскую девушку и почему, влюбленный в нее, так и не сделал ей предложения?

Какую роль сыграли в жизни Ковалевской ее дядя **Федор Шуберт** и писатель **Федор Достоевский**, учитель математики **Иосиф Малевич** и гельсингфорсский профессор **Магнус Геста Миттаг-Леффлер**, доктор **Юлия Лермонтова** и знаменитый полярник **Фритъоф Нансен**, писательницы **Елизавета Литвинова** и **Анна Эдгрен**?

Отчего покончил с собой ее муж, ученый-палеонтолог **Владимир Ковалевский** и какие отношения связывали Софью и известного социолога **Максима Ковалевского**?

Почему Ковалевской не везло в любви? Зачем она пожертвовала своей самой серьезной, последней любовью? И оценила ли наука эту жертву?

Итак...

Страсть к науке - от короля, неумение подчиняться - от бабки-цыганки

Софья Васильевна **Корвин-Круковская** родилась в Москве 15 января 1850 года. Семейная легенда возводила родословную Корвин-Круковских к венгерскому королю **Матиашу Корвину**, покровителю наук и искусств.

Прозвище «корвин», или «ворон» король Матиаш (1443-1490) получил оттого, что на его гербе был изображен ворон, символ мудрости. При нем началось книгопечатание, была основана Библиотека Корвина, одна из крупнейших библиотек конца XV века. Он основал первый в Словакии университет, куда приглашал преподавать самых образованных людей Европы.

Сама «принцесса математики» верила, что таланты она унаследовала именно от короля:

*- Я получила страсть к науке от предка, венгерского короля Матвея Корвина; любовь к математике, музыке и поэзии - от деда матери с отцовской стороны, астронома **Шуберта**; личную свободу - от Польши; от цыганки-прабабки - любовь к бродяжничеству и неумение подчиняться принятым обычаям; остальное - от России*

Дед Софьи Ковалевской, генерал **Федор Федорович Шуберт**, был выдающимся астрономом и геодезистом, а прадед - **Федор Иванович Шуберт** - еще более известным астрономом.

Отец Сони, генерал **Василий Васильевич Корвин-Круковский**, человек сухой и замкнутый, женился поздно, к жене относился, как к дочери, а к детям - как к внукам: существам любимым, но далеким и непонятым. Будучи страстным игроком, накануне рождения Софьи он проигрался в Английском клубе, *«да так, что брильянты супруги пришлось закладывать»*.

Мать, **Елизавета Федоровна Шуберт**, хорошенькая и кокетливая немка, в молодости обожавшая развлечения и балы, в детскую практически не заходила и появлению на свет Сони не обрадовалась. Она ждала мальчика, и даже приготовила все, что нужно мальчику: и крестик с распятием, и чепчик с голубенькой ленточкой...

Все трое ее детей - **Аня, Софа** и **Федя** - были предоставлены няне и гувернантке-француженке. Впрочем, первенца, живую и общительную Аню, иногда из детской вызывали, чтобы представить гостям или даже свозить на детский бал.

Младший, Федя, единственный сын, тоже являлся предметом гордости родителей: наследник рода! А вот средняя, Софа, росла дичком и постоянно получала подтверждения своей «нелюбимости» - ей уделяли куда меньше внимания, чем Ане и Феде. Дошло до того, что она не отваживалась проявлять нежность к родителям даже в те минуты, когда ей хотелось подбежать, обнять...

Софа росла замкнутой и очень нервной. Боялась не только темноты, как почти все дети, но еще и почему-то - недостроенных домов, и совсем уж панически боялась уродства. Она писала в мемуарах:

- У меня стали показываться и другие признаки большой нервности, например до ужаса доходящее отвращение ко всяким физическим уродствам... Даже вид разбитой куклы внушал мне страх. Я помню и теперь, как однажды Анюта, поймав меня одну без няни и желая подразнить меня, стала насильно совать восковую куклу, у которой из головы болтался вышибленный черный глаз, и довела меня этим до конвульсий.

Хваленое английское воспитание и образование

Софе было шесть, когда отец вышел в отставку, и семья переехала в имение Палибино в Витебской губернии. Гувернантку- француженку уволили, наняли англичанку: генерал Корвин-Круковский видел, как меняется мир и понимал, что, скорее всего, его дочерям придется вести не такую беспечную жизнь, как барыням прошлого, и стремился обеспечить им образование и воспитание, а лучшими воспитательницами считались англичанки.

Но получилось так, что муштровке мисс Смит подвергалась одна только Софа. Аня была уже слишком взрослая, у Феди был свой гувернер. Смит старалась воспитать из Софы благопристойную леди и боролась с любыми проявлениями вольнодумия, в том числе с любовью к чтению и с тягой к творчеству.

- Стихи всегда производили на меня такое чарующее действие, что уже с пятилетнего возраста я сама стала сочинять. Но гувернантка моя этого занятия не одобряла; у нее в уме сложилось вполне определенное представление о том здоровом, нормальном ребенке, из которого потом выйдет примерная английская мисс.

Однако гонение на мои стихи не помогало. В двенадцать лет я была глубоко убеждена, что буду поэтессой. Из страха перед гувернанткой, - вспоминала Софья Васильевна, - я не решалась писать своих стихов, но сочиняла их в уме, как старинные барды.

Первая любовь

И еще она постоянно влюблялась. Первый раз - когда ей было девять лет. Объектом ее чувств стал родной дядя, младший брат матери, **Федор Федорович Шуберт**. Он был очень хорош собой, а главное, сразу выделил Софу; называл ее «умной девочкой» и вел с ней беседы о том, что ей было интересно: «о серьезном», то есть - «*про инфузорий, про водоросли, про образование коралловых рифов*».

Но однажды в поместье привезли ровесницу Софы, хорошенькую Олю, и Федор Федорович и ей тоже принялся рассказывать про инфузорий. У Софы от ревности помутился разум: она до крови укусила Олю.

Огромной удачей для Софы стало увольнение гувернантки. Генерал Корвин-Круковский вдруг понял, что старшая дочь его плохо образована и пишет с ошибками. Он решил нанять и для младшей настоящего учителя и пригласил в поместье **Иосифа Игнатьевича Малевича**. Именно этот человек открыл в маленькой упрямой Софе талант к математике.

Правда, интерес к этой науке Софа проявляла и раньше. Стены в одной из детских комнат в Палибино были обклеены листами литографированных лекций легендарного математика и механика **Михаила Остроградского** о дифференциальном и интегральном исчислении.

- Я помню, как я в детстве проводила целые часы перед этой таинственной стеной, пытаюсь разобрать хоть отдельные фразы и найти тот порядок, в котором листы должны бы следовать друг за другом. От долгого ежедневного созерцания внешний вид многих формул так и врезался в моей памяти, да и самый текст оставил по себе глубокий след в мозгу, хотя в самый момент прочтения он и остался для меня непонятным, - рассказывала Ковалевская.

*- Когда много лет спустя я брала первый урок дифференциального исчисления у известного преподавателя математики в Петербурге Александра Николаевича **Страннолюбского**, он удивился, как скоро я охватила и усвоила себе понятия о пределе и о производной, «точно я наперед их знала. Дело было в том, что в ту минуту, когда он объяснял мне эти понятия, мне вдруг живо припомнилось, что все это стояло на памятных мне листах.*

Знакомство с Достоевским

Сестра Анна к наукам была безразлична. Изнывавшая от тоски в уединенном поместье, она изливала свои страдания на бумагу, и первую же повесть послала **Федору Достоевскому**. Великий писатель оценил ее творчество.

Генерал Корвин-Круковский сначала возмутился самим фактом того, что старшая дочь вступила в тайную переписку с таким сомнительным корреспондентом: литератором

и бывшим каторжником. Но потом смягчился и даже позволил Анне поехать в Петербург для встречи с Достоевским, правда, только в сопровождении матери и младшей сестры.

Достоевский влюбился в хорошенькую и кокетливую Анну. Благодаря его протекции Анна Корвин-Круковская стала известна как литератор. Писатель опубликовал первые ее произведения в журнале «Эпоха», который издавал вместе с братом Михаилом.

Тем временем серьезная Софа влюбилась в Достоевского. Он называл ее, 13-летнюю, своим другом, но воспринимал только как милую девочку, не подозревая о том, какие бури происходят в ее душе.

- Я пренаивно верила, что стою ближе к нему, чем старшая сестра, и лучше его понимаю, - писала Софья.

Анна отказала Достоевскому.

- Ему нужна совсем не такая жена, как я, - пыталась объяснить Анна. - Его жена должна совсем посвятить себя ему, всю жизнь ему отдать. А я этого не могу, я хочу сама жить.

Софья же не понимала, как сестра могла не полюбить Федора Михайловича. А еще не понимала тогда, что и сама она тоже не сможет всю свою жизнь отдать другому человеку...

Софья - маленький феномен, и за что он мне попался, я не могу сообразить...

Софье бесспорно повезло в том, что к моменту ее взросления в России актуальным сделался вопрос женского образования. Самой популярной дамой среди мыслящих представителей российского общества была женщина-хирург **Сулова**, а барышни мечтали получать образование с тем же пылом, с которым их ровесницы десятилетием раньше мечтали о любви. Теперь же любовь сделалась не модной. Модно было фиктивно выходить замуж, чтобы уехать за границу и учиться в университете.

Вскоре и Анна увлеклась идеей «освобождения» и планировала найти «союзника», который увезет ее вместе с сестрой из постылого дома. Софья, которой пошел семнадцатый год, целиком разделяла интересы сестры.

*- В 17 лет она производила совершенно своеобразное впечатление своею детскою наружностью и глубокою силою мысли, - вспоминала подруга Софьи **Юлия Лермонтова**. - Она привлекала к себе сердца всех своею безыскусственною прелестью».*

Анна познакомилась с молодым ученым-палеонтологом **Владимиром Онуфриевичем Ковалевским**, который собирался ехать в Европу для продолжения образования. Впоследствии он оставил заметный след в науке. Его работы об историческом развитии копытных животных послужили основой новой науки - эволюционной палеонтологии.

И вот он то и согласился помочь жаждущим свободы барышням. И даже был готов жениться на Анне, но влюбился в Софью, едва ее увидел.

Если бы Ковалевский держался своего намерения жениться на Анне, генерал Корвин-Круковский с легкостью дал бы согласие: старшая дочь утомила его своей эксцентричностью. Младшую же он, считая сокровищем, не хотел отдавать за человека бедного и с неясной будущностью.

Софья повлияла на решение отца весьма жестким способом: она приехала на квартиру к Ковалевскому и провела там ночь. Ни о каком грехопадении речи не шло. Софья верила, что их с Владимиром связывают сугубо братские отношения. Но в глазах отца она была опозорена.

Софья Корвин-Круковская и Владимир Ковалевский обвенчались 1 октября 1868 года в селе Палибино. После торжественного обеда к крыльцу была подана карета, и молодые сразу же уехали в Петербург. В советские времена уход Софьи из семьи трактовался как конфликт революционных сил с царским мракобесием.

Владимир был в восторге от своей фиктивной супруги и писал брату, зоологу **Александру Ковалевскому**:

- Несмотря на свои 18 лет, она образована великолепно, знает все языки как свой собственный и занимается до сих пор главным образом математикой, причем проходит уже сферическую тригонометрию и интегралы - работает, как муравей, с утра до ночи и при всем этом жива, мила и очень хороша собой. Вообще это такое счастье свалилось на меня, что трудно себе и представить...

Я со всею своею опытностью в жизни, с начитанностью и напористостью не могу и вполнину так быстро схватывать и разбирать разные политические и экономические вопросы, как она; и будь уверен, что это не увлечение, а холодный разбор. О прилежании я уже не говорю, она способна работать так, как я и понятия не имею. Вообще, Софья - маленький феномен, и за что он мне попался, я не могу сообразить.

Жили супруги в разных комнатах, встречались за обедом и ужином, и оба испытывали дискомфорт из-за неестественности такой ситуации: их называли мужем и женой, а между тем они были совершенно чужими друг другу.

Учеба у Карла Вейерштрасса

Весной 1869 года Ковалевские уехали в Гейдельберг. Софья увезла с собой подругу Юлию Лермонтову, уговорив ее родителей отпустить девушку. Вместе они поступили в Гейдельбергский университет, Софья - на математический факультет, Юлия - на химический. Вместе они снимали квартиру и вели жизнь скромную, на грани бедности. Владимир жил отдельно.

Через год в Гейдельберг приехала Анна с подругой, сбежавшей из дома. Вскоре подруги перебрались в Париж - Анна увлеклась революционным движением. А Софья в 1870 году уехала в Берлин: она мечтала учиться у профессора математики Берлинского университета **Карла Вейерштрасса**.

Это было нелегкой задачей: Вейерштрасс в ту пору вообще не брал учеников, да и к женскому образованию относился с предубеждением. Юной иностранке он задал самые трудные задачи. Но когда она через день принесла их, с блеском решенные, Вейерштрасс был потрясен и согласился учить Софью. Он стал одним из ближайших ее друзей.

Когда им случалось разлучаться, Вейерштрасс неизменно старался поддержать Софью, невзирая на обстоятельства и расстояния:

- Говоря серьезно, милая, дорогая Соня, будь уверена, я никогда не забуду, что именно я обязан моей ученице тем, что обладаю не только моим лучшим, но и единственным настоящим другом...

Великий немецкий математик был влюблен в Софью, но так и не решился предложить ей руку и сердце.

Анна между тем влюбилась во французского революционера **Виктора Жаклара**, пережила с ним возвышение и падение Парижской коммуны, а когда Жаклара приговорили к смерти, обратилась к отцу, чтобы он задействовал все свои связи и спас ее любимого. В Париж в ответ на отчаянные письма Анны съехалась вся семья: и родители, и Софья. Генерал Корвин-Круковский, и правда, сделал все возможное, в результате чего Жаклар оказался на свободе, смог уехать в Россию и жениться на Анне.

Для отца все эти приключения дочерей оказались испытанием непосильным. Он начал хворать. Софье, вернувшейся вместе с родными в Россию, очень не хотелось покидать семью. Она боялась, что если уедет, может уже никогда не увидеть отца живым.

Черта, свойственная всем русским

Однако профессор Вейерштрасс писал ей из Берлина, напоминая о начатых, да так и не законченных работах. Пока еще результатов ждали, и надо было представить их научной общественности. Софья вновь уехала в Германию.

- *Через год*, - писала **Елизавета Федоровна Литвинова**, первый биограф Ковалевской и ее современница, - *она представила в Геттингенский университет три работы, из которых каждая заслуживала степени доктора, - о кольце Сатурна, об Абелевских функциях и о дифференциальных уравнениях. Последняя тотчас была напечатана в известном математическом журнале Крелля, а первые две появились в печати несравненно позднее.*

Почему? Ответ мы найдем в особенностях нравственной природы Ковалевской. Она всегда стремилась к чему-нибудь трудному, с глубокой страстью любила все сокровенное, недоступное, постоянно ставила себе сложные задачи в науке и в жизни, но пользоваться и наслаждаться плодами своего труда было не в ее характере.

В этом проглядывала, прежде всего, черта, свойственная всем русским: не ценить своего труда; можно с достоверностью сказать, что менее важная работа не залежалась бы ни у одного немца. Но Ковалевская так настойчиво стремилась к достижению цели и, достигнув ее, не могла радоваться, но погружалась в меланхолию и чувствовала недовольство собою.

Совершенно измученная научными трудами и публичными выступлениями, к которым она в ту пору еще не привыкла, Софья приехала домой, в родительскую усадьбу. Но там царил Анна, у которой родился сын. Хозяином же усадьбы все уже считали повзрослевшего Федора. И Софья опять, как в детстве, почувствовала себя нелюбимой и ненужной.

Однако имелся человек, который жаждал ее общества. Ее муж, Владимир Ковалевский, готов был на все, лишь бы Софья жила рядом с ним. Он уговорил Софью перебраться в Петербург. Владимир мечтал сделать Софью счастливой, подарить ей все то, в чем она нуждалась. Сам Владимир мог вести жизнь аскетическую.

- *Ему нужен стакан чаю да книга*, - говорила о нем Софья.

Но Софья в те периоды, когда не была увлечена работой, отдавала должное и нарядам, и театрам... И Владимир возил ее в лучшие ателье, покупал абонементы в театр и непрерывно сокрушался, что все это из ее, Софьи, приданого. На издание своих научных трудов он так же тратил деньги жены.

Когда скончался тесть, оставив Софье в наследство тридцать тысяч, Владимир решил отказаться от научной деятельности и заняться тем, что могло принести им с женой богатство. Он вложил деньги в строительство домов, надеясь, что сможет спокойно жить на прибыль и снова вернуться к палеонтологии. Софья его поддержала.

Слава Богу, я не совсем истощила свои силы в занятиях математикой!

Вейерштрасс посылал ей новые труды по математике, пытаясь понудить ученицу вернуться к работе, но Софья не находила в себе сил даже прочесть эти труды. У нее начался один из тех периодов духовного затишья, которые неоднократно случались в ее жизни. Она вела светскую жизнь, общаясь, правда, преимущественно с учеными: ее друзьями в ту пору стали **Чебышев, Сеченов, Бутлеров, Менделеев**.

Иногда Софья спохватывалась и ужасалась, что время уходит, а она ничего не делает для науки. Однако новые переживания мешали ей сосредоточиться на формулах: Софья наконец решила стать настоящей женой Владимиру. Она забеременела, и в октябре 1878 года у них родилась дочь, которую назвали в честь мамы Софьей. Роды прошли так тяжело, что встать с постели Софья начала только весной.

Материнство стало для Ковалевской истинным духовным потрясением. Она боготворила дочь. И в первый год жизни девочки, которую все домашние звали **Фуфа**,

Софья была готова вовсе позабыть про науку и посвятить себя семейным радостям. Своей подруге и крестной матери девочки, доктору химии Юлии Лермонтовой, Софья говорила:

- Слава Богу, я не совсем истощила свои силы в занятиях математикой! Теперь, по крайней мере, моя девочка унаследует свежие умственные способности.

Беда не приходит одна...

Вскоре после рождения дочери Софья Ковалевская потеряла мать. И с этой смертью, казалось, на нее обрушилась череда несчастий.

В 1878 году открылись Высшие женские курсы, в учреждении которых Ковалевская принимала активное участие. Ее выбрали в число членов комитета, однако читать лекции не пригласили, что ее чрезвычайно обидело: Софья надеялась сделать весомый вклад в развитие женского образования в России и заранее отказалась от платы за лекции.

Между тем материальное положение Ковалевских становилось все хуже. Владимир запутался в своих делах, терял все больше денег, пытался спекулировать - и прогорел... Потеряв все в Петербурге, супруги переехали в Москву. Разлад между ними углублялся. Друзья уговаривали Софью вернуться к занятиям математикой: ведь она - гений, она не имеет права погубить свой талант.

Я чувствую, что предназначена служить истине - науке!

В 1880 году по настоянию коллег она приняла участие в съезде естествоиспытателей. И неожиданно, всплеском, вдохновение вернулось к ней. Она забыла все окружающее. Перестала замечать мужа и даже дочку, работала, не поднимая головы.

- Софа сделалась совсем прежнею, - отмечала в письме Анна.

Еще в 1876 году Софья познакомилась с гельсингфорским профессором **Магнусом Гестой Миттаг-Леффлером**, учеником Вейерштрасса. Миттаг-Леффлер так описал первую встречу с «принцессой математики»:

- Она красива, и, когда говорит, ее лицо озаряется выражением женственной доброты и высокой интеллектуальности, которые не могут не вызвать восхищения. Ее манеры просты и естественны, без какого-либо педантизма или аффектированной учености. Как ученая она отличается редкой ясностью и точностью выражений и исключительно быстрой сообразительностью. Не трудно убедиться в глубине, какой она достигла в своих занятиях, и я вполне понимаю, что Вейерштрасс считает ее лучшей из своих учеников.

Миттаг-Леффлер вновь посетил Ковалевскую в Петербурге в 1880 году. Они подружились и с тех пор не прекращали переписку. Год спустя в Стокгольме был основан новый университет, и Миттаг-Леффлер пообещал Ковалевской, что добьется для нее кафедры, но для этого она должна напомнить о себе европейской науке.

Надежда на то, что ей доверят преподавание, окрылило Софью. Она наскоро собралась, взяла дочь и няню и уехала в Берлин. Владимир Ковалевский, разбитый несчастиями, одинокий, отправился к брату в Одессу.

- Я чувствую, что предназначена служить истине - науке и прокладывать новый путь женщинам, потому что это значит служить справедливости. Я очень рада, что родилась женщиной, так как это дает мне возможность одновременно служить истине и справедливости, - говорила Ковалевская.

Судьба мужа ее больше не интересовала. Она полностью погрузилась в свои работы, общалась только с Вейерштрассом и усердно изучала мемуары **Ляме** о преломлении света в кристаллах.

По настоянию брата Владимир несколько раз ездил в Европу, чтобы встретиться с женой, но каждая встреча только усугубляла чувство, что они чужие друг другу. Софья отослала с ним в Одессу дочку: заниматься Соней ей было совершенно некогда.

Позже, когда 28 апреля 1883 года Владимир Ковалевский покончил с собой, отравившись эфиром, ребенка забрала крестная мать Юлия Лермонтова. Соня даже называла ее «*мама Юля*». К родной матери девочка относилась с уважением и трепетом: ведь все ей внушали, что мать ее - гений.

Летом 1883 года Софья завершила свою работу «*О преломлении света в кристаллах*». Путь к кафедре в Стокгольмском университете был открыт. Ковалевскую приняли в Стокгольме восторженно. Восторги возросли, когда она в рекордные сроки выучила шведский так, что сумела на нем изъясняться. Лекции она читала на немецком, и они были так популярны, что студенты устраивали ей овации.

Вообще, шведский период жизни был самым счастливым в жизни Софьи Ковалевской. Здесь ее все любили. У нее появилась новая близкая подруга, писательница Анна Эдгрэн, которая одновременно заботилась о благополучном быте Софьи (чего сама Ковалевская совершенно не умела) и восхищалась не только ее научными, но и литературными дарованиями.

Эдгрэн убедила Ковалевскую, что ей следует писать, и под ее влиянием Софья вернулась к литературной деятельности. Постепенно Софья перестала бояться, что разочарует своих слушателей.

Как мало я жила, как мало я любила...

У нее появился досуг. Она полюбила кататься на коньках, что делала чрезвычайно неловко, но с огромным удовольствием. А еще под влиянием Анны она начала мечтать о любви. О настоящей любви, которая еще может войти в ее жизнь, ведь она так молода!

Софья сокрушалась о том, «*как она мало жила, как она мало любила*». Она пережила роман со знаменитым полярником **Фритъюфом Нансеном**. Нансен признался ей в любви и одновременно с этим заявил, что не может ее любить, потому что обручен с другой. Их роман прервался еще и потому, что Софья была вынуждена вернуться в Россию из-за болезни сестры. Анна разочаровалась в жизни, когда ее супруг вернулся в Париж.

Самоубийственная депрессия сестры произвела на Софью тяжелое впечатление. Однако свой сестринский долг она исполнила до конца. От постели умирающей сестры она писала госпоже Эдгрэн:

- Я не могу заниматься литературою; все в жизни кажется таким бледным и неинтересным. В такие минуты нет ничего лучше математики.

В разлуке Ковалевская очень скучала по Соне, но понимала, что не может забрать девочку к себе, у нее элементарно нет времени на то, чтобы заботиться о ребенке. Однако под влиянием шведских дам, осуждавших «госпожу профессора» за безразличие к дочери, она все же взяла Соню в Швецию и отдала в частную школу. Соня была тихой и способной девочкой, легко выучила новый язык и не доставляла матери никаких хлопот.

Впоследствии ее дочь окончила Петербургский медицинский институт, работала врачом, позднее - в научной медицинской библиотеке, перевела со шведского языка многие работы своей матери, умерла в Москве в 1952 году. Замужем не была, детей не имела.

В 1888 году Ковалевская должна была представить работу на премию Бордена в Парижскую Академию наук. И именно в этом году произошло то, о чем Софья так страстно мечтала: она встретила свою великую любовь.

Максим Максимович Ковалевский был дальним родственником ее мужа и известным в России и Европе социологом. Он окончил юридический факультет Харьковского университета, изучал историю английского общественного строя и

посвятил ей обе свои диссертации - магистерскую и докторскую, которую писал в Лондоне. А потом он познакомился с Марксом и Энгельсом, начал заниматься историей землевладения и экономического роста Европы.

В 1988 году социолог находился проездом в Стокгольме, пришел поприветствовать русскую даму-профессора.

Они вместе гуляли по городу. Максим был очарован Софьей. На другой день после знакомства он уже начал за ней ухаживать. И неожиданно для себя Софья влюбилась. С той жаркой, собственнической, всепожирающей страстью, с какой, ей казалось, она уже не способна любить.

Когда Максим уехал, Софья чувствовала полнейшую опустошенность.

- Вчерашний день был тяжелый для меня, - писала она Анне Эдгрэн, - потому что вчера вечером уехал М. Он такой большой, занимает так ужасно много места не только на диване, но и в мыслях других, что мне было бы положительно невозможно в его присутствии думать ни о чем другом, кроме него. Хотя мы во все время его десятидневного пребывания в Стокгольме были постоянно вместе, большей частью глаз на глаз, и не говорили ни о чем другом, как только о себе, притом с такой искренностью и сердечностью, какую тебе трудно даже представить, тем не менее я еще совершенно не в состоянии анализировать своих чувств в нему...

Софья пригласила Максима в Стокгольм, устроила его читать лекции в местном университете. При этом она понимала: любовь мешает ей сосредоточиться на науке. И она как могла боролась с любовью, снова и снова отвергая предложения Максима руки и сердца.

- Ей казалось, что его влечет к ней скорее преклонение перед ее умом и талантами, чем любовь. И она, понятно, отказалась вступить в брак с ним и стала употреблять все усилия, чтобы внушить ему такую же сильную и глубокую любовь, какую она сама чувствовала к нему, - вспоминала Анна Эдгрэн. - Софья бесконечно мучилась сознанием, что ее работа становится постоянно между нею и тем человеком, которому должны были бы безраздельно принадлежать все ее мысли.

Хотя они об этом никогда не говорили, но она замечала охлаждение в нем при виде того, что именно в то время, когда самая сильная симпатия влекла их неудержимо друг к другу, она предавалась так страстно погоне за славой и отличиями.

Ее любовь была всегда ревнивой и деспотической, она требовала от того, кого любила, такой преданности, такого полного слияния с собою, что такое только в крайне редких случаях было возможно для такой сильно выраженной индивидуальности, каким был тот, кого она любила.

Но, с другой стороны, она сама никак не могла решиться отказаться от своей деятельности, от своего положения - это было то требование, которое он предъявлял к ней, - и примириться с мыслью быть только его женою...

Софья Ковалевская закончила свое исследование и отправила его в Парижскую академию на соискание премии Бордена «за усовершенствование в каком-нибудь важном пункте теории движения твердого тела». Премию она получила. Но победительницей себя не чувствовала.

Чего не хватает для полного счастья

Софья писала Миттаг-Леффлеру:

- Я по странной иронии судьбы ни разу в жизни не была так несчастна, как теперь.

Следом за Французской Ковалевская получила премию Шведской академии наук. Затем ее российские коллеги-математики решили добиться для Софьи Васильевны положения «о допущении лиц женского пола к избранию в члены-корреспонденты», после чего на заседании Физико-математического отделения она была избрана членом-

корреспондентом. Казалось бы, вот оно - истинное торжество. Но для счастья Софье не хватало Максима.

Она признавалась Анне Эдгрэн, что ей хотелось узнать, что такое семейное счастье. Настоящее, а не то, что получилось у них с несчастным Владимиром Ковалевским. И вместе с тем она предчувствовала, что ей не дано стать хорошей женой своему избраннику. А ему - не дано любить ее так, как ей нужно.

Софья так сильно тосковала по Максиму, что прежде любимый Стокгольм казался ей «адом на земле». Она говорила подруге, что желала бы умереть сейчас, но так, чтобы и Максим тоже умер, чтобы он не полюбил другую.

Софья поехала в Геную, где жил Максим. Там они встретили новый 1891 год. По настоянию Софьи встречали на старинном кладбище Стальено. Возможно, там были произнесены какие-то особые клятвы, иначе зачем вообще эта романтическая ночь на кладбище? Или Софья что-то предчувствовала?

Возвращаясь в Стокгольм, Софья Ковалевская простудилась, но не обратила внимания на недомогание. Окрыленная любовью, она даже нашла в себе силы читать лекции, хотя воспаление легких развивалось стремительно, усугубляясь пороком сердца.

Софья Ковалевская скончалась ночью 10 февраля 1891 года, в возрасте 41 года. Но, к счастью для себя, даже не успела осознать, что умирает.

- Коротка или продолжительна жизнь - это вопрос второстепенный, - написала Анна Эдгрэн в некрологе, посвященном своей подруге. - Вся суть в том, насколько она богата содержанием - для себя и для других. А при такой точке зрения жизнь Ковалевской длиннее жизни большинства людей.

Литература:

Ее книги:

1. **Ковалевская С. В.** Воспоминания и письма. - М.: Издательство АН СССР, 1951.
2. **Ковалевская С. В.** Воспоминания и письма. - Изд. 2-е, испр. - М., 1961.

О ней:

1. **Воронцова Л.А.** Софья Ковалевская. - М.: Молодая гвардия, 1959. - Стр. 266. - (Серия "Жизнь замечательных людей")
2. **Корвин-Круковский Ф. В.** Воспоминания о сестре // Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. - Изд. 2-е, испр. - М., 1961. - С. 367-372.
3. **Малинин В. В.** Софья Ковалевская - женщина-математик. Её жизнь и учёная деятельность. - М.: ЦИТ СГГА, 2004.
4. **Мунро Э.** Слишком много счастья/ Элис Мунро. - М., 2009. (*краткая литературная биография Ковалевской*)
5. **Полубаринова-Кочина П. Я.** Софья Васильевна Ковалевская. 1850-1891: Её жизнь и деятельность. - М.: Гостехиздат, 1955. - 100 с. - (Серия "Люди русской науки").
6. **Румянцева В. П.** Родословная Корвин-Круковских // Невельский сборник. - СПб., 1997. - Вып.2. - Стр. 146-157.
7. **Чернышева И.** Ускорение жизни//Ирина Чернышева//Гала-Биография.- 2013.- №9.- Стр. 61-72.